

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.В. Левитов

Тело и его судьба с христианской точки зрения

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1910. № 4. С. 541-551.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Тѣло и его судьба съ христіанской точки зрѣнія.

ДО ученію Откровенія, тѣло человѣка первоначально было создано Богомъ изъ праха. «И созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли», повѣтствуетъ бытописатель. Этого повѣтствованія, конечно, нельзя понимать въ строго буквальномъ смыслѣ, такъ какъ Богъ не имѣетъ рукъ, которыми онъ могъ бы образовывать персть земную. Но въ основѣ его лежитъ та идея, что въ созданіи человѣка даже и по тѣлу Творецъ принималъ болѣе близкое и непосредственное участіе, чѣмъ въ сотвореніи всѣхъ остальныхъ видовъ бытія. А это уже свидѣтельствуетъ о совершенствѣ нашего тѣла, о томъ, что по своему устройству оно прекраснѣе всѣхъ остальныхъ матеріальныхъ созданий. Хотя человѣкъ признается «вѣнцомъ творенія» главнымъ образомъ по духу, однако же и со стороны своей физической природы онъ является лучшимъ цвѣтникомъ на фонѣ міровой жизни. Такой взглядъ, содержащійся и въ другихъ мѣстахъ ветхаго и новаго завѣта, подтверждается какъ данными естествознанія, такъ и анализомъ эстетическихъ идеаловъ человѣчества. Наука свидѣтельствуетъ о чудно гармоничномъ и цѣлесообразномъ устройствѣ организма человѣка, въ которомъ все служитъ одно другому и приспособлено къ достиженію одной общей цѣли. Эстетика въ свою очередь видитъ въ немъ высшее проявленіе красоты, съ которою не могутъ сравняться ни благоуханіе розы, ни блескъ золота, ни лазурь голубого неба. Отсюда культъ человѣческаго тѣла въ классическомъ мірѣ, отсюда же стремленіе пластическихъ искусствъ воссоздавать его формы въ цѣляхъ художественнаго наслажденія.

Тѣло человѣка въ настоящее время происходитъ, подобно другимъ организмамъ, путемъ рожденія, согласно закону: «все живое получаетъ бытіе отъ живого». Тайна органическаго развитія не поддается изслѣдованію точной науки. Последняя можетъ лишь констатировать фактъ удивительной трансформации смѣшанныхъ пузырьковъ муже-женскаго сѣмени, но должна отказаться отъ болѣе глубокаго объясненія этого факта. Въ обширхъ чертахъ постепенную формировку человѣческаго тѣла какъ въ утробной жизни ребенка, такъ и послѣ его рожденія, можно опредѣлить какъ процессъ уподобленія, составляющій основу всякой вообще жизни. Организмъ обнаруживаетъ стремленіе превратить въ себя окружающую среду, сдѣлать ее, такъ сказать, своею плотію и кровію путемъ присутствія ему внутренней творческой силы. Какой ни будь мохъ, выросшій на скалѣ, живетъ въ качествѣ растителнаго организма лишь постольку, поскольку онъ впитываетъ въ себя элементы почвы и воздуха, своеобразно ихъ комбинируя и разлагая, дѣлая чуждыя ему и внѣ его лежащія матеріальныя массы своею собственною природою. То же самое нужно сказать и о тѣлѣ человѣка. Съ момента зачатія и до самой смерти происходитъ постоянный обмѣнъ веществъ между нимъ и всѣмъ остальнымъ міромъ.

Формировка человѣческаго организма происходитъ не безъ участія оживотворяющаго его психическаго начала. Именно оно опредѣляетъ собою структуру нашего тѣла и какъ бы налагаетъ на него свою печать. Съ точки зрѣнія матеріализма самая душа человѣка есть не что иное, какъ продуктъ взаимодѣйствія элементовъ его физической природы; по теоріи спиритуализма, наоборотъ, тѣло создается духомъ. Истина, думается, лежитъ въ серединѣ. Наша личность, конечно, не можетъ образовать для себя матеріальной оболочки изъ ничего, не свободна она и въ распоряженіи тѣми элементами, которые входятъ въ составъ организма. До нѣкоторой степени человѣческой духъ даже зависитъ отъ плоти, и его жизнь получаетъ ту или иную окраску подъ вліяніемъ плотской жизни. Но съ другой стороны, не трудно замѣтить и отраженіе творчества души на человѣческомъ тѣлѣ. Какъ мы уже сказали, жизнь *каждою* организма заключается въ томъ, что онъ уподобляетъ себѣ окружающую среду. Наше тѣло постоянно впитываетъ элементы извнѣ и, претворивъ ихъ въ себя, извергаетъ обратно. Отсюда видно, что по составу входящихъ въ

него частиць оно не представляетъ изъ себя чего-либо устойчиваго и постояннаго. Та матеріальная масса, которою я владѣю въ данный моментъ, нѣсколько мѣсяцевъ и тѣмъ болѣе лѣтъ тому назадъ была разсѣяна по окружающему міру, входя въ составъ различныхъ его стихій, растеній, животныхъ и даже людей. Пройдетъ нѣкоторое время, и отъ нея снова ничего не останется: атомы моего тѣла поступятъ въ общій круговоротъ міровой жизни, а ихъ мѣсто займутъ уже новые элементы. Тѣмъ не менѣе основная форма человѣческаго организма сохраняется въ теченіе всей его жизни. Это служитъ явнымъ доказательствомъ того, что среди постоянныхъ измѣненій тѣла одушевляющая его творческая сила остается неизмѣнною и ни на одно мгновеніе не прекращаетъ своей создающей работы. Иначе не было бы того внутренняго источника центра, вокругъ котораго группировались бы привходящія въ организмъ и уходящія изъ него матеріальныя частицы, который уподоблялъ бы ихъ себѣ и связывалъ въ единое, неразрывное цѣлое. Но этого мало. Человѣкъ, пока онъ живетъ, сохраняетъ не только основную форму своего тѣла, но и опредѣленную фізіономію, извѣстныя черты лица и его выраженіе. Пословица «каковъ человѣкъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ» относится въ одинаковой мѣрѣ и къ физическому, и къ духовному нашему организму. Какъ основныя черты характера сохраняются въ теченіе всей жизни человѣка, такъ неизмѣненъ въ общемъ и его физическій типъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ портреты, снятые съ одного и того же лица въ различные возрасты и все же имѣющіе нѣкоторое, хотя временами и едва уловимое, сходство между собою. Люди, не видѣвшіеся десятки лѣтъ, нерѣдко узнаютъ другъ друга. А между тѣмъ въ нихъ не осталось ни одного изъ тѣхъ атомовъ, которые входили въ составъ ихъ тѣла въ періодъ первоначальнаго знакомства. Что же это значитъ? Очевидно то, что структура нашего организма, формировка входящихъ въ него матеріальныхъ элементовъ и въ особенности черты фізіономіи находятся въ прямой зависимости отъ нашей психики и отражаютъ ее на себѣ. «Лицо зеркало души» гласитъ древне-классическая пословица. Всякому извѣстно, какъ душевныя движенія измѣняютъ фізіономію, налагаютъ на нее тотъ или иной отпечатокъ. Чувства радости, восторга, умиленія, любви, а равно противоположныя имъ эмоціи гнѣва, ненависти, злобы или озаряютъ, или искажаютъ выраженіе

лица и дѣлаютъ его симпатичнымъ или противнымъ. Въ моменты глубокаго созерцанія, религіознаго экстаза, вдохновенной мысли, восторженной радости, самоотверженнаго подвига каждый изъ людей прекрасенъ, при настроепіяхъ и эффектахъ противоположнаго характера—безобразенъ. Также отражается на внѣшности человѣка и общее направленіе его духовной жизни. Погруженіе въ чувственность, развратъ, сластолюбіе, привычка думать только о наслажденіяхъ дѣлаютъ выраженіе лица плотянымъ, тогда какъ постоянная самоотверженная работа на пользу другихъ или религіозно молитвенное подвижничество облагораживаютъ и одухотворяютъ матеріальную оболочку души. Физиономія человѣка мѣняется постольку, поскольку происходятъ измѣненія и въ его духовномъ строѣ. Но такъ какъ основное зерно человѣческой личности вѣчно остается само собою, то и общій типъ тѣла сохраняется неизмѣннымъ, несмотря на постоянное обновленіе входящихъ въ него матеріальныхъ частицъ. Иногда люди, даже близкіе родственники или друзья, долго не выдавшіеся между собою, при первомъ свиданіи тщетно ищутъ знакомыя черты другъ въ другѣ, но это продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока они не возстановятъ той общей духовной почвы, на которой въ былое время происходило общеніе между ними. Какъ только они окунутся въ міръ своихъ воспоминаній, какъ только сбросятъ съ себя то психически новое, что вошло въ ихъ душу съ годами вслѣдствіе новыхъ условій жизни и впечатлѣній, какъ только они снова вступятъ въ среду тѣхъ идей и чувствованій, которыя обоимъ имъ одинаково дороги и знакомы, сейчасъ же спадаетъ завѣса съ ихъ глазъ, и они начинаютъ узнавать знакомыя черты давно знакомаго человѣка. Припомнимъ Татьяну Пушкина. Онѣгинъ не узналъ ея на великосвѣтскомъ балѣ, гдѣ среди аристократическаго блеска новыя впечатлѣнія и навски заставили далеко уйти въ себя ея скромную дѣвическую душу, измѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея внѣшній обликъ, но тотчасъ же увидѣлъ ее знакомой милой Таней въ ея домѣ, гдѣ наединѣ сама съ собою она сбросила съ себя все напускное и осталась такою, какою зналъ ее Онѣгинъ ранѣе.

Болѣе всего печать духа отражается на физиономіи человѣка, но надо думать, что и структура всего вообще его тѣла происходитъ не безъ воздѣйствія психически-творческаго начала. Послѣднее располагаетъ входящіе въ организмъ атомы матеріи опредѣленнымъ образомъ *сообразно своей собственной*

природѣ, формулируетъ ихъ по извѣстному плану, который является въ свою очередь какъ бы отображеніемъ и тѣнію самой души. И поскольку душа всегда остается тождественною и единою, постольку пребываетъ неизмѣннымъ и тѣло по своей формѣ, по расположенію своихъ частицъ, хотя собственно матеріальный составъ его и обновляется нѣсколько разъ въ теченіе человѣческой жизни.

Изъ сказаннаго видно, что связь между душою и тѣломъ не внѣшняя механическая, а внутренняя и существенная. Отношеніе между ними нельзя представлять себѣ по подобію того, какое существуетъ между домомъ и его обитателемъ, жидкостью и содержащимъ ее сосудомъ. Домъ, покинутый жильцомъ и занятый другимъ хозяиномъ, можетъ остаться такимъ, какимъ онъ былъ прежде, жидкость, перелитая въ другой сосудъ, также сохраняетъ свои прежнія качества. Наоборотъ, матеріальная оболочка одного человѣка не можетъ быть навязану другому; такъ какъ она создана безсознательной работою его творческаго духа и носить на себѣ его печать. Не говоримъ уже о томъ, что тѣло, оставленное душою, перестаетъ быть тѣмъ, что оно есть, превращаясь изъ живого организма въ агрегатъ мертвыхъ частицъ. Отношеніе психическаго начала въ человѣкѣ къ его физической природѣ скорѣе можно сравнить съ тѣмъ, какое существуетъ въ произведеніяхъ искусства между матеріей и формой. Разбейте прекрасную статую на куски, соскоблите краски съ Рафаэлевской Мадонны—и та самая матеріальная масса, которая ранѣе приводила васъ въ восхищеніе, не будетъ вызывать въ васъ никакого настроенія, никакого чувства. Качественная опредѣленность матеріи обусловливается въ произведеніяхъ искусства ихъ формой; точно также и всѣ особенности въ организаціи тѣла зависятъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, отъ индивидуальныхъ особенностей души.

Установленная нами зависимость матеріальной оболочки человѣка отъ его личности въ достаточной степени объясняетъ то, почему свои симпатіи и антипатіи, чувства ненависти и любви мы переносимъ обыкновенно не только на душу, но и на тѣло извѣстныхъ намъ лицъ. Когда мы кого-нибудь любимъ, намъ дорогъ не только каждый уголокъ его души, но и каждый нервъ его тѣла; когда ненавидимъ, замѣчается обратное явленіе. Каждая черта фізіономіи презираемаго нами субъекта насъ раздражаетъ, представляется отвратительною и гнус-

ной. По той же самой причинѣ и свой собственный организмъ человѣкъ считаетъ не чѣмъ-то для себя чуждымъ и внѣшнимъ, а частью своего собственного существа. Въ объемъ его самосознанія входитъ представленіе не только о духовной, но и физической природѣ; идея я включаетъ въ себя полнаго человѣка, состоящаго изъ тѣла и души. Существованіе послѣдней въ періодъ между смертію и воскресеніемъ по тѣлу изображается въ Словѣ Божіемъ какъ предначатіе лишь блаженства или мученія. А по представленіямъ грековъ души умершихъ, находящіяся въ Аидѣ, подобны тѣнямъ, лишены живыхъ красокъ, плоти и крови, не только въ прямомъ, но и въ переносномъ значеніи этого слова. Эсхатологическія воззрѣнія древнихъ характеризуютъ въ данномъ случаѣ точку зрѣнія общечеловѣческаго сознанія, признающаго обладаніе тѣломъ необходимымъ условіемъ яркаго полножизненнаго существованія.

Что же такъ дорого намъ въ нашемъ собственномъ тѣлѣ и въ тѣлѣ горячо любимыхъ нами лицъ и что такъ ненавистно въ нашихъ врагахъ, въ людяхъ, которыхъ мы ненавидимъ и презираемъ? Конечно, не матеріальная масса сама по себѣ. Человѣкъ образованный хорошо знаетъ, что большая часть его тѣла, принадлежащаго ему въ данный моментъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ была разсѣяна по всему окружающему міру, и что та же самая судьба вскорѣ постигнетъ его теперешнее тѣло. Однакожъ, на этомъ основаніи онъ не считаетъ свою матеріальную оболочку для себя чуждой и нисколько не жалѣетъ о постоянно уходящихъ изъ нея элементахъ. Равнымъ образомъ любовь или ненависть къ тѣлу нашихъ друзей или враговъ не простирается на тѣ атомы, которые изъ него уже вышли или въ него еще не приходили. Слѣдовательно, физической организмъ человѣка можетъ быть предметомъ нашей симпатіи или антипатіи не самъ по себѣ, не всю совокупностью своихъ матеріальныхъ качествъ, а лишь тою печатью духа, которая на немъ отображается. Мы безсознательно убѣждены въ томъ, что строеніе каждой клѣтки живого человѣческаго организма происходитъ въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ внутренней природой души, что приводящія въ него извнѣ матеріальные элементы уподобляются не только физической, но и психической сторонѣ нашего существа. И именно это-то отраженіе души въ тѣлѣ вызываетъ въ насъ тѣ или иныя чувстваванія.

Тѣло человѣка, созданное изъ праха, по ученію слова Бо-

жія, снова должно превратиться въ прахъ. «Земля еси и въ землю отыдеши»—сказалъ Богъ нашему прародителю по грѣхопадѣніи. По изображенію Екклезіаста, когда человѣкъ умретъ, то «возвратится персть въ землю, якоже и бѣ, а духъ возвратится къ Богу, иже и даде его». По своему матеріальному составу человѣческое тѣло ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ находящихся въ природѣ. Оно состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ и всего остального міра. Но элементы эти въ немъ связаны и объединены вокругъ какой-то чудной животворной силы, сохраняющей тожество формы организма при постоянномъ измѣненіи его содержанія. Тѣло человѣка живетъ, уподобляя себѣ окружающую среду, цвѣтетъ, блещетъ силою и красотою, принимаетъ участіе во многихъ видахъ дѣятельности души. Связь съ послѣднею предохраняетъ ее отъ разложенія, отъ дѣйствія физико-химическихъ законовъ, связываемыхъ и препобѣждаемыхъ законами высшей органической и собственно духовной жизни. Но вотъ наступаетъ моментъ, когда жизненная сила оставляетъ тѣло человѣка. Изъ него уходитъ нѣчто такое, что связывало и объединяло его отдѣльные элементы, давало духъ и жизнь, дѣлало прекраснымъ цѣлымъ. Храмъ покидаетъ его божество, выливается драгоценная жидкость изъ сосуда, увядаетъ пышный благоухающій цвѣтокъ, порывается золотая цѣпочка, угасаетъ огонь на алтарѣ. Въ поэзіи всѣхъ народовъ мы находимъ не мало метафоръ, картинно изображающихъ смерть человѣка, и всѣ эти метафоры проникнуты однимъ чувствомъ грусти, одною идеею—что изъ организма уходитъ что-то бесконечно цѣнное, уходитъ надолго, быть можетъ, навсегда. Всякій знаетъ, какое впечатлѣніе производитъ на насъ смерть, особенно людей намъ близкихъ и знакомыхъ. Человѣкъ будто бы и тотъ же и въ то же время совсѣмъ не тотъ, что-то чуждое и холодное отпечатлѣвается на его лицѣ, между нимъ и нами легла непроходимая грань, изъ живого существа онъ превратился въ вещь, на немъ отображается печать вѣчной глубокой тайны, предъ которою бессильно останавливается мысль человѣка. Съ уходомъ изъ организма жизненной силы прекращается связь его отдѣльныхъ элементовъ, и тѣло начинаетъ разлагаться на составляющія его частицы. Оно подпадаетъ дѣйствию физико-химическихъ законовъ и вступаетъ въ общій круговоротъ міровой жизни. Это то, что на обыкновенномъ языкѣ называется тлѣніемъ. Трупъ умершаго начинается

издавать неприятный запахъ, отъ него отдѣляются зловонныя міазмы, формы расплываются, лицо дѣлается темносинимъ, глаза становятся похожими на какія-то ямы. Не удивительно. что всѣ мы плачемъ и рыдаемъ, во гробѣ зря богосозданную красоту, не имущую ни вида, ни доброты, безгласну и бездыханну. А за тѣмъ слѣдуетъ погребеніе тѣла въ могилѣ. Тамъ оно становится добычею червей, соединяется съ различными соками земли, частію впитывается въ корни растеній, частію выходитъ въ видѣ газовъ на поверхность и растворяется въ воздухѣ. Проходятъ годы, и отъ всей массы человѣческаго тѣла, повидимому, ничего не остается. Но въ дѣйствительности это не такъ. Ни одинъ атомъ, входящій въ составъ нашего организма при его жизни, не исчезаетъ безслѣдно. Въ мірѣ царствуетъ законъ сохраненія силы и матеріи. Подобно тому какъ не можетъ произойти чего-либо вновь ex nihilo, такъ не можетъ и погибнуть ни одна самадѣйшая часть вещества. Элементы матеріи лишь вѣчно переталкиваются между собою, вступаютъ другъ съ другомъ въ безконечно разнообразныя комбинаціи, мѣняютъ свою форму, но сохраняютъ бытіе навсегда. И если бы человѣкъ обладалъ всевѣдѣніемъ, онъ могъ бы прослѣдить судьбу каждаго атома своего тѣла отъ созданія тѣла и до его конца. Тогда онъ убѣдился бы, что тѣ матеріальныя частицы, изъ которыхъ состоитъ его организмъ, входили раньше въ составъ всевозможныхъ существъ и предметовъ, были и водою, и воздухомъ, и землею, и огнемъ, составляли плоть и кровь животныхъ, быть можетъ даже входили въ организмы другихъ людей благородныхъ и презрѣнныхъ, много разъ умирали и снова воскресали. Равнымъ образомъ и наше тѣло по смерти своими элементами еще неоднократно будетъ давать пищу новой жизни. Одни изъ его атомовъ взойдутъ въ тѣла растеній, другіе животныхъ, третьи людей—по смерти этихъ организмовъ вступятъ въ новыя соединенія и т. д. безъ конца.

Сквозь великую печаль смерти, ея холодный ужасъ и мракъ у людей «имущихъ упованіе» прорѣзывается лучъ золотой надежды на возможность грядущаго воскресенія. По ученію откровенія, разлученіе души отъ тѣла имѣетъ лишь временный характеръ. Наступитъ часъ, когда «все сущи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и изыдутъ», когда «мертвенное сіе облечется въ безсмертіе и тлѣнное въ нетлѣніе». Это будетъ при концѣ нашего міра, когда онъ преобразится въ новое

небо и новую землю, когда закончится царство благодати и наступит царство славы, когда узрять всѣ Сына Человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ творить великій и страшный судъ надъ мертвыми и живыми.

Возможность воскресенія возбуждала сомнѣнія еще въ вѣкъ апостоловъ. Св. Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ подробно раскрываетъ эту истину, стараясь приблизить ее къ человѣческому пониманію посредствомъ аналогій, заимствованныхъ изъ растительнаго царства. Зерно, опущенное въ землю, сгниваетъ. Однакожъ это гніеніе составляетъ необходимое условіе возникновенія новой жизни. И подобно тому какъ изъ сгнившаго зерна вырастаетъ стебель, цвѣтокъ или дерево, такъ изъ погребеннаго въ могилѣ тѣла образуется современемъ новый совершеннѣйшій организмъ. Тайна произростанія дерева изъ зерна въ сущности не меньше, чѣмъ тайна воскресенія. Та и другая для насъ совершенно непостижима, но только къ первой мы привыкли и потому считаемъ ее естественной, второй никогда опытно не наблюдали и вслѣдствіе этого признаемъ ее чудесной.

Во времена христіанскихъ апологетовъ также продолжали слышаться возраженія противъ догмата о воскресеніи. Указывали на невозможность собрать воедино всѣ частицы человѣческаго тѣла, разсѣянные по вселенной. Но невозможность эта является таковою для насъ, ограниченныхъ существъ, а не для Бога. Если Творецъ силою своего слова «да будетъ» въ одно мгновеніе могъ вызвать къ бытію небо и землю, изъ ничего создавъ эти безчисленные міры съ ихъ чуднымъ устройствомъ, то тѣмъ болѣе для Него возможно снова соединить разъединенные, но все же существующіе элементы. Въ какія бы новыя разнообразныя комбинаціи ни вступалъ каждый атомъ нашего тѣла, онъ все же никогда не затеряется въ круговоротѣ міровой жизни. Богъ, какъ существо всевѣдущее, знаетъ, гдѣ онъ находится, а какъ существо всемогущее, можетъ поставить его въ прежнюю связь съ тѣми именно частицами, сообща съ которыми онъ составлялъ тѣло человѣческое при его жизни. Съ точки зрѣнія современнаго естествознанія традиціонное пониманіе воскресенія вызываетъ еще большія трудности, неустранимая даже идеей Божественнаго всемогущества. Какъ мы уже говорили, матеріальная масса человѣческаго тѣла не представляетъ изъ себя чего-либо постояннаго и неизмѣннаго. Она нѣсколько разъ обновляется въ

теченіе средней человѣческой жизни. Изъ нашего организма постоянно уходятъ элементы, становящіеся затѣмъ, быть можетъ, даже собственностью другихъ людей, и обратно, въ него входятъ новыя матеріальныя частицы, бывшія раньше чужою плотію и кровію. Но если такъ, то мы можемъ поставить вопросъ: съ какимъ именно тѣломъ воскреснемъ мы для будущей жизни. Отвѣтъ можетъ быть двоякій. Или со всею тою матеріальною массою, которая находилась въ распоряженіи личности при ея жизни, или же съ тѣмъ тѣломъ, съ которымъ человѣкъ былъ положенъ въ могилу. Первое предположеніе нельзя признать удобопріемлемымъ, такъ какъ оно отрицаетъ тожество воскресшаго тѣла съ тѣломъ человѣка живого и вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ къ заключеніямъ онтологически нелѣпымъ и имморальнымъ. Вѣдь во всякій отдѣльный моментъ жизни каждый изъ насъ обладаетъ тѣломъ, заключающимъ въ себѣ меньшее количество элементовъ, сравнительно съ той массою, которая послѣдовательно дѣлается нашимъ достояніемъ въ различные періоды жизни. Если же вся эта масса цѣликомъ будетъ отдана въ распоряженіе человѣка при всеобщемъ воскресеніи, то его тѣло, очевидно, не будетъ тѣмъ самымъ, которое онъ носилъ, когда жилъ на землѣ; оно станетъ отличаться отъ него большимъ количествомъ матеріальныхъ частицъ, а слѣдовательно, большимъ вѣсомъ и объемомъ. Это съ одной стороны. Съ другой, какъ мы уже говорили, выходяшія изъ нашего организма частицы могутъ входить въ другіе человѣческіе организмы. Отсюда видно, что предположеніе о воскресеніи людей со всею тою массою тѣла, которою они обладали при жизни, съ неизбѣжностью ведетъ къ отрицанію его *всеобщности*. На одно и то же тѣло можетъ явиться нѣсколько претендентовъ: одинъ изъ нихъ обладалъ одними его частицами и въ одно время, другой другими и въ другое время. Помочь этому затрудненію не въ состояніи даже и божественное всемогущество, такъ какъ Богъ не можетъ, конечно, обдѣлить одного человѣка тѣломъ, чтобы наградить имъ другого или одному дать полное тѣло, а другому лишь его часть. Всемогущество Бога не можетъ становиться въ противорѣчіе съ Его премудростью и благостью, а чудо, допускаемое христіанствомъ въ противоположность чудесамъ языческимъ, есть бытіе сверхъестественное, но не противоестественное, такое, которое не можетъ заключать въ себѣ какой-либо логической или метафизической нелѣпости, какого-либо абсурда.

Болѣе вѣроятнымъ представляется, повидимому, второе предположеніе, то-есть, что человѣкъ воскреснетъ съ тѣмъ тѣломъ, которымъ онъ обладалъ въ моментъ смерти. Къ этой мысли будто бы располагаетъ насъ и Слово Божіе. Оно свидѣтельствуетъ, что именно *сущіе во гробѣхъ* услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ, что подобаетъ тлѣнному *сему* обещанію въ нетлѣніе и мертвенному *сему* обещанію въ безсмертіе. Однакожъ, и это предположеніе при его логической обработкѣ, вызываетъ неразрѣшимыя недоумѣнія. Въ такомъ случаѣ человѣкъ по воскресеніи изъ мертвыхъ будетъ обладать тѣмъ тѣломъ, съ которымъ онъ умеръ, но не тѣмъ, съ которымъ онъ жилъ. Тѣло дѣтства, юности, средняго возраста для умершаго въ преклонныхъ лѣтахъ погибнетъ безслѣдно. А затѣмъ этотъ взглядъ находится въ такомъ же противорѣчій съ закономъ круговращенія вещества, какъ и предыдущій. Трупъ мертвеца, подобно живому тѣлу, постепенно растворяется въ окружающей средѣ, хотя и ничего не получаетъ обратно. Онъ становится достояніемъ земныхъ паразитовъ, впитывается въ подземные корни растеній, выходитъ въ качествѣ газа на воздухъ и въ концѣ концовъ можетъ послужить матеріаломъ для образованія тѣла другого человѣка. Отсюда видно, что и мысль о возстановленіи того тѣла, съ которымъ человѣкъ умеръ, также неизбежно ведетъ къ предположенію, что воскресеніе мертвыхъ не будетъ всеобщее, и что Богъ однихъ людей надѣлитъ плотію въ счетъ другихъ *).

П. Левитовъ.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки